

чем Мономах, отразит это живое явление — терминологическую формулу из отчета воевод, из рассказов князей-победителей.

Вот несколько примеров употребления ее в Ипатьевской летописи.

1151: «Дюрди же не имѣяже ни откуль же помочи, а дружина его бьшеть оно избита, оно и зоимана, принужденъ же неволюе Дюргий, и цѣлова крестъ к нимъ (Изяславу и Вячеславу)» (стр. 306). 1160: «... доѣхавше ихъ, начаша ѿ (половцев) бити, и много ихъ избивша, а другыя рукама и зоимаша, и люди отполониша своя, иже бяху половци поимали» (стр. 348). 1172: «... из Вышегорода же выѣздяче погании и дичии с вой, много зла творяху, овы избиваху, а ины руками имаху» (стр. 375).

Итак, обилие и употребительность традиционных формул, отражающих различные стороны военного быта, по нашему мнению, объяснимы широкой распространенностью их в живой речевой практике. Немного уступают им по частоте употребления традиционные формулы, отражающие юридические и дипломатические отношения. Например, формула «миръ створити» встречается в ПВЛ 35 раз, в том числе в языке персонажей. Очень устойчивы формулы, применявшиеся в речах послов: «и посла, глаголя...», «посла вѣсть, яко...» и др. Менее широко были распространены в ПВЛ формулы книжного происхождения (из культовых текстов, переводных памятников). Упрочение стилистических приемов, опирающихся на книжные традиции, придет позднее, по мере расширения круга создаваемых и читаемых письменных источников.

*

А. С. Орлов в своей работе о воинских повестях рассматривает широкий круг памятников, созданных на протяжении нескольких веков. При всей поучительности такого обзора, свидетельствующего об устойчивости традиционных формул, мы лишены возможности наблюдать, как протекало усвоение этого стилистического приема древнерусской литературой. Поэтому не меньший интерес представляет сравнение языка ПВЛ с языком памятника, тождественного по содержанию и непосредственно примыкающего к ней по времени создания, — с Киевской летописью.¹³ Это сравнение убеждает нас в постоянной изменчивости стилистического облика летописи: одни традиционные формулы перестают употребляться, другие, напротив, приобретают широкое распространение. Мы уже отмечали частое использование формулы «избити — изымати»; приведем еще несколько примеров. Традиционная формула «битися крѣпко» в ПВЛ употреблена 2 раза, в Киевской летописи встречается более 18 раз; формула «благовѣрный князь» в ПВЛ употреблена 4 раза, в Киевской летописи — 12 раз; широко распространен в Киевской летописи тавтологический оборот «многое множество», который встретился нам более 15 раз, тогда как в ПВЛ он употреблен лишь 2 раза, причем в статье 1111 г., читаемой в Ипатьевской летописи.¹⁴ Наконец, характерным для Киевской летописи является частое использование формул «радость великая», «любовь великая», «честь великая». Например: «... и приде къ строеви своему Дюргеви в Киевъ, и тако обуястася с великою любовью и с великою честью, и тако пребыша у весельи» (стр. 330). С другой стороны, сложившаяся в ПВЛ схема изображения битвы (см. выше, стр. 278) в Киевской летописи оказывается разрушенной. Так, значительно реже употребляются термины «брань» и «сѣча», не применяется обычная для ПВЛ кон-

¹³ Там же, стр. 195—487.

¹⁴ В ПВЛ имеется так же формула «множество много», употребленная 2 раза (стр. 87, 114).